

Захаров Марк
(Нашел 70 лет)

Марк Захаров: Меня интересуют только молодежь и пенсионеры

Веч. Москва - 2003 - 13 окт. - с. 6

ХУДОЖЕСТВЕННОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ ОДНОГО ИЗ САМЫХ УСПЕШНЫХ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ, РЕЖИССЕРУ ЛЮБИМЫХ ФИЛЬМОВ МАРКУ АНАТОЛЬЕВИЧУ ЗАХАРОВУ - 70!

Сегодня юбилей у главного Улисса нашего театра, который умело провел свой корабль под названием «Ленком» между Сциллой советского безвременья и Харибдой рыночных отношений, не разбившись о рифы партократии, демократии, плутократии. Продолжается это плавание уже тридцать лет. А капитан корабля по-прежнему виртуозно вступает в контакты на разных уровнях (от высшего политического до сладкого гипнотического), соединяя в своих редких, но метких спектаклях исповедь и фарс, балаган и молитву, децибелы на грани возможного и тихий голос одинокого человека.

— Совершенно не могу представить вас, Марк Анатольевич, в интерьере московских коммуналок и дворов до и после войны: то ли вы были паймальчиком со скрипочкой, то ли сорви головой в кепке набекрень.

— Нет, на скрипке никогда не учился. Скорее — кепка. И единственные штаны. Мне было семь лет, когда началась война, и я запомнил огромную радость ребят (на фоне задумчивых, немножко хмурых лиц взрослых): наконец-то началось! Первые налеты и первые учебные тревоги я воспринимал, как сегодня воспринимают лазерное шоу в День города. Еще помню, как взрослые говорили со мной под черкнуто весело, боясь, как бы я не испугался.

— Ваши родители успели стать свидетелями вашего театрального успеха?

— Мать нет, а отец успел. Помню, как он пришел на «Тилия» с моей маленькой дочкой. Она была страшно разочарована, потому что артист Караченцов ей очень нравился в роли кота Базилио. А отцу понравилось.

— Он не испугался за сына, решившего посвятить себя театру?

— Трудно сказать. Мы не все говорили друг другу, да и не все хотелось говорить. Он был из поколения, сначала сломленно-революцией, потом Гражданской войной, в которой он совершенно случайно принимал участие на стороне красных, хотя собирался вступить в армию Шкуро. И впоследствии все страшные события нашей истории его коснулись. Иногда очень жестоко, иногда по касательной. В 49-м году вышло постановление: выехать из Москвы всем, кто имел 58-ю статью. Он выехал, но ненадолго и сравнительно недалеко — во Владимир. Почти счастливый исход.

— За что ему дали 58-ю статью?

— Что-то вроде «знакомства с вредителем». Я работал в Перми, когда после смерти Сталина стали возвращаться такие люди, как, например, Лундстрем. У них формулировки были еще более интересные: «подозрение в шпионаже».

— Вам приходилось быть свидетелем встреч палачей и жертв?

— Недавно я был в Германии по своим медицинским делам и встретил там человека, который немножко знает русский. Мы разговорились, и я понял, что он воевал против нас, даже выяснил, где я запутался в своих ощущениях: вроде к нему надо относиться как к врагу, прощальному или не прощальному, но врагу, который нес смерть для моего отечества...

— ...а не получается?

— Не получается. Я думаю, что даже у фронтовиков это ощущение очень быстро ушло. Может быть, это особенности нашего

менталитета — и слава богу.

— Как вы пришли к религии в такой, казалось бы, атеистической семье: мама — актриса, папа — бывший красноармеец?

— Читал много. А потом меня поразило соотношение верующих и неверующих. Неверующие — Маркс да Ленин, а верующие — огромный список великих философов и ученых, начиная с Альберта Эйнштейна.

— Вы часто оперируете такими понятиями (составляющими театрального процесса), как гипноз, парапсихология, тайны подсознания и так далее. Вы действительно владеете хотя бы простейшими механизмами ну, скажем, гипноза?

— За собой я этого как-то замечал, но когда бывал в зрительном зале на спектакле, который шел хорошо, понимал, что это происходит не только благодаря драматургии и мастерству актера. Появляется и нечто общее, чему экстрасенсы нашли неплохое слово — биополе. Ну нельзя в пустом зале хорошо сыграть спектакль — нужны хотя бы три-четыре зрителя. А лучше семьсот, как у нас.

— Режиссер может заложить какие-то основы для этого или все зависит от актера?

— Скорее, от ответной волны, которая идет из зала. Я боюсь раскладывать все по полочкам. Это американцы хорошо умеют делать. Они исследуют психологию зрительного зала, нагрузки, которые испытывает режиссер (сопоставимые с нагрузками летчика-испытателя). Мы как-то это не очень умеем.

— Иронизируете?

— Отнюдь. Это ведь они подсчитали, правда, про кино, что на седьмой минуте, как ни монтируй, зритель начинает думать: а не зря ли я пришел? Я не знаю точно, на какой минуте это происходит в театре, но термин для себя придумал: кредит доверия.

— Социологи утверждают, что сейчас 65 процентов молодых людей, от восемнадцати до тридцати пяти, предпочитают театр другим видам, извините, досуга. Вы пытаетесь это как-то учитывать?

— Давненько я не читал социологических исследований — месяца три, наверное. Возможно, новейшая волна интереса к театру — это реакция на переизбыток информации визуальной и нервной. Люди уже не понимают, где фонограмма, где запись, где прямой эфир, где непрямо (есть и такое: начинается событие, и по ходу съемок его чуть монтируют). А молодежь я интересуюсь с тех пор, как пришел сюда в 73-м году. Молодежь и пенсионерами (а кто посередине — уже не так важно).

— Для пенсионеров «Ленком» труднодоступное удовольствие?

— Да? Есть такие пенсионеры, с которыми мы перестали бороться, решив, что это под силу

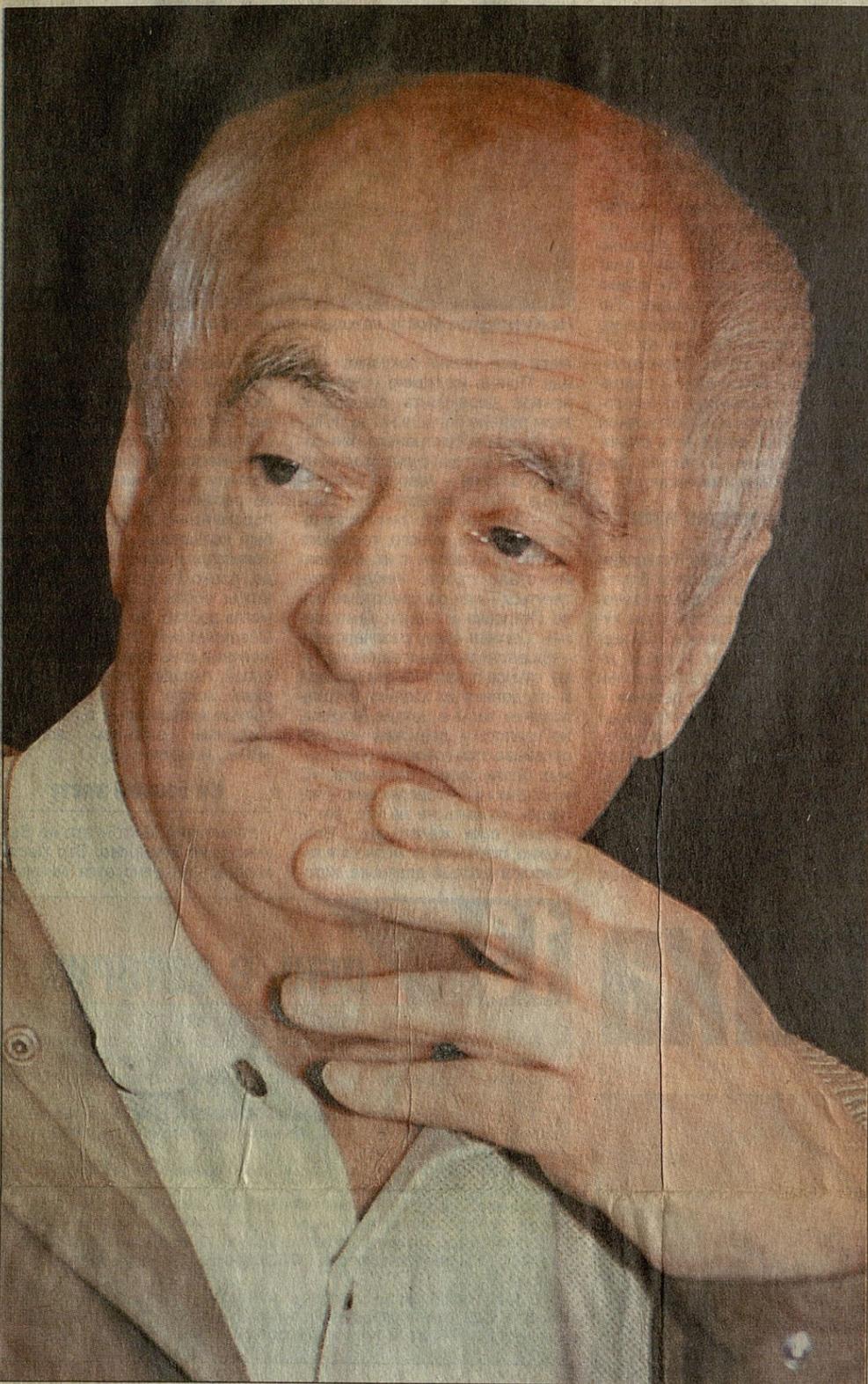

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

только правоохранительным органам. А потом поняли, что и им не под силу.

— Вам удавалось расколоть зал пенсионеров и студентов на ярых противников и горячих поклонников, как в свое время Мейерхольду с его «Балаганчиком»?

— Всякое бывало, особенно вначале. Однажды на спектакле «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» (мы тогда только что аппаратуру приобрели, по тем временам хорошую, громкую) заплакала пожилая женщина в первом ряду. Да, растрогался я опроченно, начальные минуты у меня всегда в спектаклях хороши. Ей помогли выйти из зала, и выяснилось, что не выдержали барабанные перепонки.

— Вы который год ведете режиссерскую мастерскую в РАТИ, но реально рядом с вами остался только один ваш ученик, Роман Самгин, да два его спектакля, в одном из которых вы сыграли загадочную роль художественного руководителя постановки.

— Лучше Товстоногова не скажешь. Он укорял тогдашних чиновников от культуры: зачем, мол, вы посылаете ко мне талантливых режиссеров? Они не смогут обрести собственный вес, имя, вдохновение, а будут задавлены мной. В нашем театре многие гласно или негласно осуществляют режиссерскую работу, просто мы не всегда обозначаем это на афишах. В конце концов, я и сам бывший актер. Просто не надо все всем рассказывать ни о своем быте, ни о театре. Мне однажды на телевидении предложили: «Давайте сделаем про вас передачу «Один день делового человека». Начнем с того, как вы завтракаете на кухне». «Нет, — говорю, — лучше с душой». И тогда от меня отстали. А что до Романа Савельевича Самгина, то он сейчас, абсолютно не прикрытый именем Захарова, ставит спектакль в Театре на Малой Бронной.

— А как вам понравилось его «Укрощение критителей»?

— Я его принял. Я даже однажды принял спектакль совсем

молодого Владимира Мирзоева, еще перед его отъездом в Канаду. Я почувствовал в нем режиссерский талант, хотя спектакль был очень несовершенно. Пожертвовал одним вечером в театре и дал ему сыграть на публике. Может, это было не очень корректно по отношению к публике, но по отношению к режиссеру — в высшей степени корректно. Только я попросил его сесть в середине зала. Второго спектакля он не захотел, хотя в зале нашлись и такие, кто принял новую звезду, которая действительно потом оказалась очень яркой.

— Выпуск спектакля «Оперный дом» о русском Моцарте Максими Березовском, идея которого была предложена покойным Григорием Горинным, переносится уже в течение нескольких лет. Вы все время откладываете начало работы над ним, потому что относитесь к нему как к своему главному спектаклю?

— Сейчас уже нет. Возможно, я в свое время поспешил с каки-

ми-то анонсами — мне показалось, что все движется очень хорошо. Пока не произошло самое главное: рождение драматургии и музыки. К сожалению, я напрямую завишу от Алексея Рыбникова и Андрея Вознесенского. У них же пока есть только замечательные фрагменты, но в целом они еще не выстроились.

— В журнале «Театр», где было опубликовано краткое содержание будущего «Оперного дома», сообщалось, что вы должны были ставить этот спектакль вместе с Анатолием Васильевым. Вы вроде довольно иронично друг к другу относитесь?

— Первый раз слышу. Наверное, в театральной жизни не хватает событий, вот и выдумывают порой такие танделы.

— В «Оперном доме» вновь звучит столь любимая вами тема художника и власти. Как вы думаете, власть — главное зло в жизни художника?

— Иногда кажется, что нет ничего страшнее и важнее. Но в какой-то момент оказывается, что и с властью можно разговаривать. Как разговаривал Александр Сергеевич Пушкин с Николаем I — в доверительной манере. А тот решил оплатить все его долги после смерти, хотя Александр Сергеевич не был ему близким человеком и эпиграммы писал довольно злые. Но в этом и есть многообразие человеческой жизни. Правда, Пушкин гений, но именно в гении отражается наша ментальность и, так сказать, программа, заданная нам свыше (или, скажем осторожнее, нашими предками).

— Анатолий Смелянский в книге «Предлагаемые обстоятельства» сравнивает вашу «жизнь в искусстве» с изящным, со вкусом исполненным блефом с системой. Он прав?

— Когда писал, был по-своему прав. Ни в коем случае не хочу его осуждать. Он всегда вызывал у меня уважение и интерес. Все, что написано Смелянским, я читал, читаю и, надеюсь, буду читать с таким же интересом.

— В связи с вашими последними спектаклями «Шут Балакирев» и «Плач палача» часто звучали такие, казалось бы, не свойственные вам эпитеты, как растерянность, незащищенность, сентиментальность...

— А мне больше понравилось суждение о том, что нам дали Госпремию за «Шута», потому что у нас был точный расчет на 300-летие Петербурга. Кандидатуры на Госпремию рассматривались через год после премьеры (регламент такой), а задумывался и писался «Шут» несколько лет. Представляю, как бы мне покойный Григорий Горин сказал: а знаешь, через несколько лет будет 300-летие Петербурга. Как бы так угодить в Госпремию через Петра Первого!

— Тем не менее вы ощущаете себя растерянным и сентиментальным?

— Скорее, испытываю удивление и радость постижения новых реалий. Возникают новые испытания, новые тревоги, а за ними следует радостная переоценка того, что было. Мы ведь так запрограммированы, что всегда кажется: дальше будет лучше, ну а потом будут временные трудности, но за ними непременно опять лучше. Мы только не знаем, сколько будут длиться временные трудности и что значит «лучше».

Беседовала Ольга ФУКС